

18+

Я. Антонова
ПОД ЗАПРЕТОМ

МОЛОДЕЖНЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Я. Антонова

Под запретом

<https://litres.ru/74612722>

SelfPub; 2026

Аннотация

Даша - прилежная первокурсница, и её жизнь расписана наперёд: учёба, карьера, свадьба с Виталиком и спокойное будущее без сюрпризов. Но что делать с симпатией к самому опасному парню универа - Марку?

Она оказывается между двумя мирами: безопасным, знакомым и тем, что пугает, манит и заставляет чувствовать по-настоящему. Ревность Виталика растёт, давление родителей усиливается, а Марк становится всё ближе - дерзкий, непредсказуемый, который видит её насквозь.

Это история о выборе себя, о первой любви, которая обжигает, и о свободе, за которую всегда приходится платить.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Я. Антонова

Под запретом

Глава

Глава 1. Глоток свободы

Всё началось в машине, похожей на такси комфорт-класса, где я сидела на мягком заднем сиденье, тихая и собранная, как примерная дочь строгих родителей - только сейчас без родителей. В салоне было тепло, и пахло чем-то приятным, дорогим и очень ненавязчивым.

Мама с папой уехали на дачу. На все выходные.

И это звучит так невинно, что хочется добавить: и оставили нас с Иринкой - моей лучшей подружкой - одних, потому что мы же взрослые.

Взрослые - это когда тебе восемнадцать, и формально уже ты уже можешь голосовать, делать прививки и сдавать анализы без родителей, покупать сим-карту, оплачивать тариф и вообще самостоятельно решать, как жить эту жизнь. Только вот у меня это как-то немного не так работает. Иногда мне кажется, что родители будут контролировать меня до самой пенсии, а может, и дольше.

Мы с Иринкой были теми самыми девочками, которыми родители гордятся и хвастаются. Умницы-красавицы, одним

словом.

Обе учимся на первом курсе факультета «Финансы и кредит». И истории поступления у нас похожи: меня отправили родители, потому что это престижно и работа всегда будет, а Иринку - мама. Она занимает серьёзную должность в банке, так что будущее подружки уже predetermined: для неё там давно припасено местечко. Осталось делов-то - отучиться четыре года, получить диплом, и готово!

Сессия на носу - первая серьёзная, с зачётами и экзаменами, от одной мысли о которых уже дёргался глаз и волосы на голове ходуном ходили.

Экзамены для меня - отдельный вид пытки. Даже отлично зная материал, я каждый раз ловила паничку. Стоило преподавателю назвать мою фамилию - в голове оставался только белый шум, а ладони становились влажными. Вспомнить хотя бы ЕГЭ: тогда я не спала несколько ночей, а в день икс меня трясло так, что я не могла удержать в руках даже стакан с водой. Маме пришлось поделиться со мной успокоительными, которые довольно неплохо справились с волнением и страхом.

Мама и сама периодически пропивала их курсами. Таблетки постоянно лежали в нашей второй аптечке на микроволновке - привычная часть быта, на которую никто не обращал внимания.

За фасадом идеальной семьи часто скрывается то, о чём не принято говорить вслух. Особенно таким, как я: тихим,

правильным девочкам, которые до сих пор сбегают из гостиной, если в кино показывают что-то слишком откровенное. Сбегают и тут же утыкаются в учебники, словно это не экранные герои, а они сами только что совершили нечто постыдное и запретное.

Вот и я в любой непонятной ситуации уходила в учёбу. Удобно. Только это был не выбор, а способ выжить. По крайней мере, в моей семье всё работало именно так.

И пусть я отличница, это лишь часть обязательной программы «хорошей девочки»: быть лучшей во всём. Даже в том, как виртуозно обманывать собственных родителей.

Кстати, в эту же программу входил Виталик. Сын близких друзей нашей семьи, с которым мы знакомы чуть ли не с пелёнок. Наши отцы - мой, Сергей Петрович, и Александр Владимирович - папа Виталика, - служили вместе. А моя мама Таня - крёстная Виталика. Так что наши с ним отношения - это продолжение многолетней дружбы наших семей.

Нас с ним буквально «поженили» ещё в детстве: между дачными посиделками и семейными праздниками взрослые всё решили за нас.

Виталик был хорошим, заботливым, предсказуемым, с милыми комплиментами и робкими прикосновениями. Все наши знакомые умилялись: какая красивая пара, как хорошо смотрятся вместе ну просто созданы друг для друга. А я и не спорила. Так было проще. Так было правильно. По крайней мере, я себя в этом убеждала.

Мы с Иринкой клялись, что будем заниматься все выходные. Что будем «готовиться». Что никуда не пойдём, даже в магазин, а еду закажем с доставкой. Поэтому мои родители и представить не могли, что эти две пай-девочки - Иринку они тоже считали послушной и примерной - ночью сорвутся на другой конец города, в довольно сомнительное место, не то закрытый клуб, не то какой-то спорт бар, где-то на территории промзоны.

И это была не какая-то обычная вечеринка, а место куда серьёзнее и опаснее. Закрытая территория, вход только для «избранных» - в общем, уровень, до которого нам с подружкой было как до Луны и обратно. Мы бы туда в жизни не попали, если бы не её брат. Он в этой тусовке давно свой человек, так что нас проведут «по блату» и в прямом, и в переносном смысле.

И тут я вспомнила про разговор, который однажды случайно услышала в университетской столовой. Там, хоть и всегда шумно, но я краем уха уловила обрывок фразы за соседним столом. Речь шла о каких-то нелегальных соревнованиях - вроде бы спорт, но с каким-то подвохом. А после них, как правило, всё перерастало в дикую вечеринку до утра.

Иринка сидела рядом и просто светила от счастья. Её распирало от предвкушения: она постоянно вертелась, выглядывала в окно и с заговорщическим видом потирала ладони. Усидеть на месте было выше её сил.

- Даш, ну ты только представь, это будет... просто вау!

- Надеюсь, у твоего «вау» не будет неприятных последствий, - проворчала я.
- Ой, Даша, ну хватит драматизировать! Всё будет супер!
- У меня какое-то гаденькое предчувствие...

Иринка лишь одарила меня снисходительным взглядом и, чтобы успокоить, взяла за руку.

Но это не помогло. Предчувствие и вправду было нехорошим.

Мы с Иринкой лучшие подружки, но при этом абсолютно разные - и по характеру, и внешне. Она общительная, смелая и открытая, а я... Ну, Иринка постоянно шутит, что я интроверт с того уровня. И ведь не поспоришь. Люди друг с другом часто не сходятся характерами или интересами, а у меня порой возникало чувство, что я не сошлась с целым миром. Были, конечно, исключения, но это капля в море.

Иринка - девушка эффектная: среднего роста, с густой копной каштановых волос и выразительными зелёными глазами. По её лицу всегда легко понять, что у неё на уме: скрывать свои эмоции Иринка совершенно не умела. У неё точёная фигура «песочные часы» - тонкая талия, изящные изгибы бёдер и женственные формы. Рядом с ней я чувствовала себя той самой «страшной подружкой».

Мой рост - метр шестьдесят один. И хотя интернет уверяет, что это идеальный рост для девушки, глядя на Иринку, я в этом сильно сомневалась.

Моя внешность казалась мне самой обычной: ни строй-

ная, ни полная - словом, стандартная. Во мне будто не было ничего примечательного, хотя я и ловила на себе двусмысленные взгляды парней. Иринка твердила, что у меня модельные данные - острые скулы, изящные ключицы, тонкая шея, - но я лишь недоумевала. В моих глазах настоящей красавицей была она, а не я.

Светло - русые волнистые волосы чуть ниже лопаток, круглые голубые глаза. Единственная яркая деталь - непропорционально пухлые губы, сильно выделяющиеся на светлом лице. Я была больше за естественность: тушь, бальзам для губ и изредка стрелки для настроения. Совсем другое дело - Иринка. Она была настоящим профи в макияже: мастерски пользовалась тенями и румянами, помадами и тинтами и ещё кучей непонятных мне средств.

После поступления в универ Иринка буквально помешалась на студенческих тусовках. Ей хотелось окунуться в эту атмосферу с головой, а я, наоборот, старалась держаться подальше. Не знаю, может, я была слишком правильной, но для меня такие вечеринки - это всегда толпа незнакомцев, шум, громкая музыка, сомнительные игры, алкоголь и полная вседозволенность. Меня всё это скорее пугало, чем привлекало.

Пару раз подруге всё-таки удавалось вытащить меня в люди. Как-то мы даже пришли на вписку. Но долго я там не продержалась: сначала какой-то тип «случайно» шлёпнул меня по попе, а потом один из парней всучил стакан с непонятным пойлом. Я решила, что с меня хватит. Сбежала, правда, не

сразу - пришлось ещё минут десять копаться в куче курток, чтобы найти свою.

На водительском сиденье был Саша - Иринкин двоюродный брат. Он только-только вернулся из армии. С виду приличный, добрый парень: улыбался, шутил с нами. Но я всё время ловила себя на мысли, что рядом с ним чувствую себя школьницей.

Будто я на экскурсии по взрослой жизни, а экскурсовод - человек, который всего на пару лет старше нас.

- Обратно едем вместе, - произнёс он, бросив взгляд в зеркало заднего вида. - Девочки, вы там под мою ответственность, поэтому давайте без сюрпризов.

- Как скажете, товарищ генерал! - Иринка приложила руку к голове, а вторую - к собственному лбу.

Мы обе очень хорошо знали, что к пустой голове руку не прикладывают.

С Иринкой мы дружим, наверное, с пятого класса. И пока её родители давали ей полную свободу, мои держали меня в ежовых рукавицах, поэтому Иринка стала в нашем доме постоянным гостем. Она до сих пор шутит, что наше детство было похоже на армейскую службу - хотя, если честно, я не уверена, что она шутит.

Со временем многое изменилось: папа стал мягче. То ли возраст - ему уже сорок шесть, - то ли мы с Иринкой заслужили его доверие, но теперь он гораздо лояльнее относится к нашим редким вылазкам. Правда, об этой конкретной по-

ездке он, конечно, не знал.

Иринка уговаривала меня на эту авантюру всю неделю. Говорила, что будет супермегакруто. Настоящая студенческая движуха. И что мне даже понравится. Потому что мне, по её мнению, оказывается, нравится адреналин и ощущение свободы. Нравится, когда я хоть раз делаю что-то не по расписанию в ежедневнике и не по указке родителей.

Подруга однажды бросила: «В тихом омуте черти водятся - это про тебя, Дашка. Ты ещё покажешь своё истинное лицо. Видимо, время не настало или обстоятельства пока не прижали к стенке».

И самое интересное - она была почти права. В глубине души я чувствовала в себе силу характера, какой-то стержень. Чувствовала любовь к жизни, интерес к людям, особенно к некоторым... Но быть тихой и незаметной оказалось куда проще и безопаснее, чем позволить себе по-настоящему проявиться.

С детства мама приучала меня держать язык за зубами, не перечить, не спорить, быть послушной, не высовываться без нужды, не выделяться. Она хотела, чтобы я была незаметной, простой, удобной, как и она. Но она не подумала, что эти её наставления я перенесу на всю свою жизнь, в том числе и на школу. И если бы не Иринка, мне, наверное, пришлось бы очень трудно. Меня легко могли использовать все, кто хотел, с моим-то характером. Но Иринка была моим локомотивом: она и вперёд меня тянула, и в обиду не давала. А я, в свою

очередь, была для неё чем-то вроде заземления - иногда её правда нужно было немного притормозить, и у меня это всегда отлично получалось.

- Ну что, Даш, мы уже вполне освоились во взрослой жизни, пора окунуться с головой в студенческую жизнь! Это же так круто! Себя показать, на других посмотреть!

- Ага, круто, - протянула я, - особенно учитывая, что я до сих пор не до конца понимаю, на что подписалась.

- Там будут бои, ставки, драйв и кровь! Кровь повсюду! - Иринка заливисто рассмеялась, явно наслаждаясь тем, что выбила меня из зоны комфорта.

Саша не сдержал смехок, бросив на неё в зеркало заднего вида, короткий взгляд, в котором явно читалось: ну ты и оторва сестрёнка.

- Меня друзья позвали, а Иринка... ну, ей, кажется, просто острых ощущений захотелось. Обещали после грандиозную вечеринку.

- А кто твои друзья? - насторожилась я.

Иринка подалась ближе и заговорщически шепнула:

- Антон тоже будет там.

Иринка могла бы признаться честно: «Даша, я хочу увидеть Антона и хочу, чтобы он увидел меня». Но она всегда заходила с огоронов.

Она была влюблена в Антона. Её галерея была забита его снимками с баскетбольных игр и тренировок, а в нашей переписке его имя встречалось, кажется, миллион раз.

Я сидела и смотрела в окно. Город за стеклом стремительно терял признаки жизни. Сначала все реже стали мелькать яркие фонари. Потом - витрины, остановки, люди. Дорога была вся в заплатках, а вскоре пошли ямы, напоминающие кратеры на Луне.

Вдоль обочин шныряли бродячие собаки - от огромных, лохматых псов до совсем мелких, дрожащих. Все они выглядели злыми и голодными. Некоторые из них с каким-то остервенением кидались прямо под колеса, и я машинально вжималась в сиденье, отстраняясь от стекла.

Саша, уворачиваясь от очередного пса под колёсами выдал: мол, все эти собаки, которые бросаются на машины, - это бывшие гаишники в прошлой жизни. Честно говоря, мне такое сравнение вообще не понравилось. Я смотрела на них с жалостью. Ведь всё это от безысходности. Попробуй сам пожить в изгнании, без тепла, без заботы, без поддержки. Так устроены и люди, и звери: одни сбиваются в стайки себе подобных, другие выбирают судьбу волка-одиночки. Но и тем и другим достаточно крошечной доли любви и ласки, чтобы они начали оттаивать.

С обеих сторон тянулись ангары. Ржавые ворота, бетонные заборы, местами колючая проволока. На табличках «Прход запрещён», а рядом кто-то давно дорисовал цветными баллончиками кривые улыбки и стрелки - мол, проход как раз сюда.

В голове крутилась мысль, которую я изо всех сил стара-

лась игнорировать: если там будет Антон, то и Марк тоже может оказаться там. Они ведь лучшие друзья.

Но шанс на то, что я впервые за долгое время вырвусь на свободу и сразу окажусь в одном месте с Марком, казался примерно таким же, как шанс увидеть пришельца. То есть равен нулю.

Хотя, если честно, я лукавила. Я поехала не только ради Иринки. Где-то в самом укромном уголке моей души жила надежда: вдруг он тоже там? Вдруг я снова поймаю его взгляд?

Марк вообще появился в университете только во втором семестре. Первый семестр он провёл за границей у отца - так, по крайней мере, говорили. А потом он внезапно вернулся. Просто однажды появился в коридоре университета, будто никуда и не уезжал.

До этого я знала о нём только по чужим рассказам и фотографиям в университетских чатах. А после его возвращения начала замечать его сама.

Мы никогда толком не разговаривали. Не перекидывались друг с другом больше чем парой фраз. Даже не были подписаны друг на друга в социальных сетях. Но при этом смотрели так, словно между нами есть какая-то химия.

Наверное, поэтому я и поехала.

Наша удивительная жизнь так устроена: если шанс почти равен нулю, именно тебе обязательно выпадет эта статистическая аномалия.

Мы свернули к большим серым подъёмным воротам одного из ангаров.

Саша вышел первым. Я нерешительно выбралась с заднего сиденья, и ночной холод сразу пробрался под тонкую кофточку. Вокруг были бетонные плиты с торчащей арматурой, недостроенные металлические конструкции и местами непроглядная темнота. Стены пестрели граффити: яркие кислотные цвета, небрежные подтёки и полустёртые рисунки. Вся эта непонятная мазня лишь нагоняла жути.

Господи, как же хотелось домой! Забраться с ногами на кровать, завернуться в плед и залипнуть над каким ни будь новым романчиком, а не вот это всё.

У боковой двери ангара стояли двое крепких мужчин во всём чёрном. Из-за темноты было трудно разобрать их лица, но их суровый вид сразу вызывал опасения и заставлял насторожиться.

Я покосилась на подругу: страха - ноль, сплошное предвкушение.

Саша кивнул им. Они ответили тем же, но смотрели в основном на нас - быстро, внимательно, оценивающе. После этого нас пропустили внутрь.

Дверь закрылась за спиной с глухим звуком, и мне сразу стало не по себе. Будто назад пути уже нет.

Внутри ангар оказался не одним большим помещением, а целым путаным лабиринтом, словно устроенным так специально - на всякий случай. Несколько складских зон соединя-

лись проходами, перегородами и брезентовыми занавесками. В одной части стояли столы, сколоченные из паллетов. На них лежали пластиковые стаканчики, парилки, какие-то списки и цветные маркеры.

Народ разбился на группки: одни прикладывались к бутылкам, другие оживлённо спорили, размахивая руками, а третьи, охваченные азартом, швыряли свёрнутые в тугие трубочки купюры в раскрытый металлический кейс.

Я невольно задержала взгляд на большом листе ватмана, прикреплённом скотчем к стене. Таблица. Фамилии. Цифры.

Я пробежалась по ней глазами.

Мишин Г. Это тот отморозок, которого отчислили из университета за то, что он пронёс перцовый баллончик и распылил его в коридоре первого этажа.

Ковалёв С. Странно, так же звали моего одноклассника. Тихого парня, который почти ни с кем не общался. На парах он всегда сидел за последней партой - отстранённый и потерянный, словно мысленно находился где-то в другом месте.

И теперь его фамилия стояла в таблице боёв.

Горнов М. Самый большой коэффициент. Напротив фамилии - цифра, обведённая красным маркером, и приписка: «Главный бой ночи».

Да нет. Не может быть. Бред какой-то.

Горнов - не самая редкая фамилия. Мало ли Горновых.

Я тряхнула головой, отгоняя нелепую мысль.

Марк не мог учувствовать в драках. Он же... Марк. Сын

богатого отца. У него всё есть. Зачем ему это?

Пахло здесь, конечно, ужасно - всем и сразу: пылью, табак, сладким кальяном, сыростью и алкоголем. Эта смесь моментально забила в горло. Я поморщилась и прикрыла рот ладонью, чтобы унять подступающий кашель.

Впереди клубилась завеса фруктового дыма. Кальян стоял на ящике, а сидевшие вокруг девушки смеялись, вдыхали дым и выпускали густые облака, которые медленно растекались вокруг.

Я узнавала людей. Не близко знакомых - нет. Но многих знала в лицо.

Ребята-баскетболисты из команды Марка и Антона с пластиковыми стаканчиками в руках что-то бурно обсуждали.

Марка среди них не было.

Компания девчонок, которых я каждый день видела в столовой, снимала что-то на телефон. Они поправляли волосы и наигранно смеялись.

Старшекурсники, которых в универе я старалась обходить стороной, здесь были просто частью толпы.

А первокурсников почти не было.

Мы с Иринкой выглядели как две школьницы, которые заблудились и случайно вошли не в ту дверь. Было очевидно: нам здесь не место.

Мне немедленно захотела помыть руки. Прямо сейчас. Желательно с мылом. А лучше вообще принять душ и заодно постирать всю одежду. Казалось, грязь здесь была не только

на полу - она витала в воздухе.

На мне была новенькая белая кофточка с завязками и обычные синие джинсы. Перед выходом я щедро брызнулась любимыми духами с кокосом, но запах ангара всё равно въедался в ткань. Казалось, потом от него не спасёт даже самый сильный парфюмированный кондиционер для белья.

Иринка, наоборот, только оживилась.

- Слушай, ну круто же, - шепнула она, сияя глазами.

- Пока ты меня не очень убедила, - ответила я.

- Мы тусуемся со старшаками. В их среде обитания.

- Это ты хотела, а не я! Я до сих пор не понимаю, как ты меня на это уговорила.

- Ну не преувеличивай, - нахмурилась Иринка, но тут же снова оживилась. - Вон мой Антон!

Он стоял чуть поодаль в компании парней, которые выглядели совсем не как студенты - скорее, как взрослые ребята лет двадцати пяти. Держались они очень уверенно, словно такие тусовки были для них обычным делом.

Антон Морозов не был классическим красавчиком. Среднего роста, широкоплечий, с кудрявыми русыми волосами и тёплым взглядом янтарных глаз. Его добрая улыбка и умение смотреть так, будто перед ним самый лучший человек в мире, безотказно очаровывали. Неудивительно, что девчонки постоянно крутились вокруг него.

Иринку это откровенно задевало. Стоило какой-нибудь девушке подойти к Антону ближе чем на полметра, как по-

друга сразу мрачнела и начинала следить за ними с таким видом, будто лично собиралась прикончить обоих.

Антон заметил Иринку, улыбнулся, и она расцвела у меня на глазах.

Саша коротко кивнул ему.

- Пошли ближе, сейчас всё начнётся! - Саша подтолкнул нас в спины, не давая замешкаться.

Нужно было успеть пробраться в первый ряд, чтобы всё было видно. И мы двинулись туда, куда сходилась весь народ.

В центре под прожекторами светилось небольшое яркое пятно.

А дальше начался полный кошмар. Причём это ещё мягко сказано. Если бы мама узнала, где я сейчас нахожусь, её бы удар хватил. А папа... Папа даже не стал бы на меня орать. Он бы просто молча посмотрел своим фирменным строгим взглядом, нахмурился так, что брови сошлись бы у переносицы, и запер меня дома лет до тридцати. А потом ещё и расписание составил: когда можно выходить в туалет, когда - на кухню и сколько раз в день вообще разрешено покидать комнату.

Я прижалась спиной к холодной бетонной колонне и от волнения крепко сжала лямку рюкзака.

И в этот момент увидела человека, которого точно не ожидала здесь встретить.

Этого не может быть.

Новый преподаватель - Фельберг Дмитрий Анатольевич.

Я видела его всего пару раз и пока знала только по слухам. Говорили, что со следующего года он будет вести у нас профильные предметы. Кто-то рассказывал, что он молодой, но строгий и требовательный, хотя вроде бы понимающий. Кто-то - что он приехал из столицы и вообще «со связями».

Он стоял чуть в стороне, в тени, скрестив руки. Совершенно спокойный, даже расслабленный. В нормальном мире он выглядел бы как человек, который сейчас зайдёт на кафедру или начнёт лекцию. Но здесь к нему то и дело подходили, что-то шептали на ухо и замирали, ожидая ответа.

Меня это насторожило. И как теперь это разведеть?

Если даже такие люди здесь, значит, это место не было случайной вечеринкой, о которой завтра все забудут. Оно уже вросло в город.

В наш универ.

В нашу жизнь.

Если он сейчас нас увидит... если доложит декану или, упаси боже, расскажет родителям - мне конец. В буквальном смысле. Дома меня просто прикончат.

Мне хотелось провалиться сквозь землю.

И всё равно я осталась на месте.

Сама не знаю почему.

Глава 2. Другой Марк

В центре помещения стояла клетка.

Не боксёрский ринг, какие я видела в фильмах, и даже не борцовский татами, а именно клетка. Стальная, грубо сва-

ренная, с ржавыми пятнами, которые в свете потолочных ламп, подвешенных на металлических цепях, казались багровыми. Будто всё вокруг было декорациями к дешёвому американскому боевику.

Иринка и правда притащила меня на нелегальные бои. Просто подруга года!

Я смотрела на клетку и почему-то думала о Марке. О том, что вообще о нём знаю. А знала я мало.

Обычно чем масштабнее личность, тем больше вокруг него слухов. Но с Марком всё было наоборот. О нём говорили редко, осторожно и почти всегда вполголоса. Стоило кому-нибудь произнести его фамилию, как собеседник начинал смотреть по сторонам, будто Марк мог оказаться за ближайшей дверью или углом.

Из того, что считалось достоверным: Марк Горнов, двадцать лет, третий курс факультета государственного и муниципального управления. Его поток в нашем универе считался почти элитным. Управленцы ходили с видом людей, уже получивших тёплое местечко под солнцем, пока мы, финансисты, только учились считать чужие деньги.

Марк был сыном Михаила Горнова, местного крупного застройщика. Отец давно жил за границей, а Марк, по слухам, уже давно жил самостоятельно. Где, на что и почему при этом никогда не выглядел человеком, которому приходится экономить, никто толком не знал.

Зато все знали другое: Марк не признавал правил, если

не устанавливал их сам. Мог не прийти на пару, ввязаться в драку, исчезнуть на несколько дней, а потом появиться как ни в чём не бывало. Ни объяснений, ни извинений. Только холодный, решительный взгляд, от которого сразу становилось понятно: лучше не задавать лишних вопросов.

Марк почти ни с кем не общался. Ближе всех он держал только Антона Морозова - своего однокурсника. И это было странно, потому что они с Антоном были из разных миров: Антон - душа компании: добрый, веселый, искренний, а Марк - тот самый парень, что держится в стороне - ни любви, ни тоски, ни жалости.

Но на девушек его затворничество не распространялось - они постоянно крутились вокруг Марка, но надолго не задерживались. Постоянной девушки у него не было. Одной из них он как-то сказал:

- Не привыкай. Это всего на пару раз.

Он произнёс это совершенно спокойно - без обещаний и без малейшего чувства вины. И некоторых это устраивало.

Мне стоило держаться от него подальше.

Я это понимала. Марк был именно тем человеком, от которого благоразумные девушки не ждут ничего хорошего. С ним можно было получить красивые воспоминания, разбитое сердце или проблемы, о которых потом не рассказывают родителям. В худшем случае - всё сразу.

И всё равно он мне нравился.

Это было безрассудно и глупо, но я ничего не могла с со-

бой поделаться. Меня всегда тянуло к природным катаклизмам - грозам и ураганам. Страшно, красиво, завораживающе, но лучше держаться подальше. С Марком было примерно так же.

И дело было не только в его внешности или репутации. Дело было в том, как он на меня смотрел.

Однажды в коридоре я так торопливо отвернулась, не выдержав его пристального взгляда тёмно-карих глаз, что врезалась плечом в дверь аудитории.

- Осторожнее, недотрога, - подмигнул Марк, подходя ближе.

- Я и так осторожная, - пробормотала я, чуть раздражённо. Он улыбнулся, будто знал что-то, чего не знала я.

- Не всегда, - прошептал он мне на ухо, наклонившись так близко, что мои щёки моментально вспыхнули. - Иногда ты палишься, Даша.

После этого я зашла в аудиторию и минут пять тупила, не понимая, на какую пару пришла и какой учебник доставать. В голове был только один вопрос - откуда он знает, как меня зовут?

Толпа сорвалась на крики, прожекторы вспыхнули ярче, и в клетке появился он.

Марк.

Только это был не тот Марк, которого я знала. Не парень с единственной фотографии в его профиле в популярной социальной сети, на которую я могла залипать часами, пред-

ставляя, как он меня обнимает.

Не тот, чьи двусмысленные взгляды можно было списать на отвратительный характер.

Это был другой Марк.

Тот, которого я не знала.

И к которому, кажется, совершенно не была готова.

Он был красив настолько, что отвести взгляд казалось почти невозможным. По бокам - короткий ёжик, сверху волосы были чуть взъерошены, и несколько прядей падали на лоб. Жёсткие линии скул, широкие брови, чувственные губы...

Он был обнажён по пояс, и идеально очерченный пресс, рельефные мышцы на груди и животе только сильнее подчёркивали, насколько он был идеален. Его левую руку полностью покрывала татуировка. От запястья начинался тёмный хвойный лес. Между тонкими стволами стоял волк - один, вполоборота, с настороженно поднятой головой. Выше ветви переплетались с колючей проволокой, которая обвивала плечо и выходила на ключицу. Там сидел ворон с полураскрытыми крыльями. Его длинные перья расходились по груди, а чёрные узоры поднимались по шее почти до самого уха.

Мне было всегда любопытно, что она означает.

Под правой ключицей темнел шрам, похожий на след ожога. На рёбрах - россыпь родинок. Кисти были перемотаны эластичными бинтами, очевидно, чтобы не повредить суставы в бою. На нём были только чёрные шорты с белыми полосками по краю и лёгкие кроссовки.

Марк вошёл в клетку так, будто она была его личной территорией.

Никакого пафоса и дешёвых понтов. Он не пытался казаться опаснее, чем был на самом деле, и не играл на публику.

Толпа взорвалась почти сразу. Кто-то выкрикнул его имя, кто-то засвистел, кто-то забарабанил по сетке. Девчонки рядом вообще сорвались на визг.

Я видела Марка сотни тысяч раз. В универе, на стадионе, на парковке, в коридоре, где он проходил мимо и будто совершенно случайно цеплял меня взглядом.

Там он был просто Марком. Красивым, наглым, дерзким и до бесконечности невозможным.

Но здесь он выглядел иначе.

И от этого становилось не по себе. Будто именно этот Марк и был настоящим, а тот в универе - лишь маска.

Он не улыбался. Не подмигивал. Даже не смотрел в сторону толпы, словно зрители ему вовсе не были нужны.

Рядом с клеткой мелькнул Саша.

- Девчонки, стойте ближе ко мне, - сказал он почти буднично, будто мы были на стадионе и он просто боялся, что кто-нибудь случайно наступит нам на ногу.

- Это вообще... нормально? - пробормотала я.

Саша бросил на меня быстрый, почти равнодушный взгляд.

- Здесь? Да. Обычное дело.

И пожал плечами.

После его «да» я поняла, что до сих пор надеялась услышать совсем другой ответ.

Иринка, разумеется, не могла стоять спокойно. Она встала на цыпочки, пытаясь разглядеть происходящее поверх чужих голов, как ребенок на шумном концерте. Перед нами все время кто-то маячил, то девушка, которая снимала все на камеру, то какой то парень с телефоном, пытаясь поймать удачный кадр, пятился назад и упирался в нас спиной.

- Это что, Марк?! - воскликнула Иринка, не скрывая удивления.

- Какой? - уточнила я, хотя прекрасно понимала, о ком речь.

Я хотела сказать ей, что у меня шок, что я вот-вот упаду в обморок прямо на грязный пол и что нам лучше поскорее убраться отсюда.

Но не успела.

В клетку вошёл второй боец - огромный парень с татуировкой во всю спину. Он двигался тяжело и уверенно.

Судья - если парня в застиранной белой футболке и чёрной кепке вообще можно было так назвать - коротко махнул рукой, давая старт поединку.

Первый удар я услышала раньше, чем увидела - глухой, тяжелый. А когда второй парень впечатался в клетку, стало ясно: это был удар Марка. Дыхание перехватило. Я не могла поверить в то, что вижу это вживую - казалось, что я просто

сплю и это какой-то жуткий сон.

Этот Марк не оставлял мне возможности притвориться, что он просто дерзкий парень из универса. Образ, к которому я привыкла, начал распадаться у меня в голове.

Противник попытался загнать его к сетке, но Марк был быстрее. Намного быстрее.

Уклон. Шаг. Удар. Снова уклон.

А я не могла отвести взгляд, хотя маленькая напуганная девочка в моей голове кричала: «Даша, ты адекватная вообще? Беги. Сейчас же!»

Мне было страшно, но я не могла пропустить ни одного его движения.

Крики вокруг слились в один непрерывный гул, но я не видела никого, кроме Марка. Дышала коротко и часто, будто только что пробежала несколько кругов на стадионе. Сердце билось в ритме ударов в клетке. Стук - Марк уклняется. Стук - наносит встречный.

Под левым глазом, по скуле, расползался кровоподтёк. Костяшки были сбиты, но ему будто было плевать.

Казалось, он получал от происходящего удовольствие.

И это пугало до дрожи в коленях.

Марк двигался точно и быстро, без жалости нанося удар за ударом. Он не давал противнику передышки и не оставлял времени даже на замах.

Где-то в глубине души я с пугающим интересом наблюдала за этой бойней, но одновременно переживала за Марка.

Я ловила себя на мысли, что радуюсь его победе - не из какой-то жестокости, а просто потому, что мне было страшно представить его на месте того, кого он сейчас крушил.

Я кусала губы и часто моргала, пытаюсь унять дрожь. Руки не находили себе места - то я судорожно перебирала пальцами, то крепче вцеплялась в лямку рюкзака.

И тут Марк ударил так, что парень пошатнулся и рухнул на бетонный пол - тяжело и глухо.

К нему тут же подбежали несколько мужчин, начали приводить в его чувства. Взрослый мужчина во всём спортивном бил его по щекам, а псевдо судья навис сверху, щелкая пальцами прямо у него перед лицом.

Марк победил.

Двое парней вцепились друг в друга и заорали прямо у меня над ухом. Кто-то со всей силы ударил по сетке, и она звякнула так, что я вздрогнула. В воздух полетели поздравления, несколько человек вцепились в прутья, пытаюсь прорваться ближе, как обезумевшие.

Марк стоял в центре клетки, опустив руки. Сначала смотрел в пол, потом медленно поднял голову. Толпа кричала, сетка дрожала, а Марк оставался неподвижен.

Его атлетичный торс блестел от пота. Свет падал сверху, очерчивая мышцы и оставляя на теле резкие тени. Казалось, что его всё ещё будоражит взрывная энергия.

Он поднял руки вверх.

Толпа окончательно сошла с ума.

И тогда Марк резко повернул голову в мою сторону.

По спине прошёл холодок, и я невольно передёрнула плечами.

Мне хотелось стать незаметной, спрятаться за чужими спинами или провалиться сквозь землю.

Он увидел меня.

Будто всё это время точно знал, что я сегодня здесь. Что пришла сама, своими ногами и по доброй воле.

Вместе со страхом во мне вспыхнуло что-то ещё, то, за что я себя ненавидела, но чему не могла сопротивляться.

Мне отчаянно захотелось подойти ближе, подуть на разбитую скулу и легонько поцеловать, едва касаясь губами, зарыться пальцами в эти растрепанные волосы и бережно обработать перекисью сбитые в кровь кулаки.

Марк подошёл к сетке прямо напротив меня. Его дыхание было тяжелым, а взгляд - таким пронзительным, что я едва удержалась, чтобы не сделать шаг навстречу.

Его руки, перепачканные своей и чужой кровью, вцепились в металлические прутья. Я видела напряжённые предплечья и выступившие вены.

Между нами были всего метр пространства и сетка.

Но мне казалось, что её нет.

Марк смотрел на меня практически не моргая. На его лице медленно появилась хищная улыбка, и по моей коже побежали мурашки. В его глазах не было триумфа. Там было что-то тёмное и опасное. Он смотрел так, будто давно всё

знал: и мои слабости, и желания, и то, что я к нему неровно дышу.

Меня накрыла паника. Я не хотела, чтобы он всё это видел, поэтому я ничего лучше не придумала как развернуться и побежать, как в детстве, когда единственный способ справиться со страхом - это бежать без оглядки.

Я расталкивала людей, не разбирая дороги. Лишь бы больше не чувствовать на себе его взгляд.

- Что, недотрога, пришла поболеть за своего красавчика? Его низкий, хриплый голос догнал меня даже сквозь общий гул.

- Или хорошая девочка перешла на сторону зла?

Я резко остановилась и обернулась. Слова застряли в горле. Даже сквозь толпу я чувствовала: он смотрит только на меня.

Он был угрозой. Реальной, осязаемой угрозой моему привычному миру.

- Ты... ненормальный, - прошептала я.

Сомневаюсь, что он услышал меня в общем гуле. Но Марк всё равно усмехнулся, обнажая зубы.

Я посмотрела туда, где только что стояла. Сашки рядом не было, а Иринка буквально висела на плече у Антона, что-то восторженно щебеча ему на ухо, пока тот, хмурясь, нервно переводил взгляд с Марка на Дмитрия Анатольевича. Тот, в свою очередь, выглядел подозрительно оживленным - в его глазах читался какой-то нездоровый азарт, который явно не

предвещал ничего хорошего.

Я больше не могла оставаться здесь ни секунды. Рванула с места, едва не ударилась о бетонный выступ и бросилась прочь, расталкивая толпу.

В какой-то момент лямка рюкзака отстегнулась - то ли сама, то ли я случайно задела застёжку, пока нервничала, - и сползла с плеча. Я этого не заметила. Рюкзак упал на грязный бетон у колонны, вместе с некоторыми моими конспектами, влажными салфетками, ключами и, самое главное, телефоном.

Какая-то дверь рядом чудом поддалась. Я вырвалась из ангара и врезалась в ледяной ночной воздух, но адреналин гнал меня дальше. Я жадно хватала ртом воздух, а руки дрожали так сильно, что пальцы не слушались.

Я пробежала ещё около двухсот метров и остановилась, пытаюсь понять, где нахожусь. Вокруг тянулись одни ангары и заборы - серые, ржавые, заброшенные. Фонари светили через один, некоторые мигали, и от этого всё вокруг казалось ещё более заброшенным.

Я потянулась к плечу, чтобы достать телефон и вызвать такси, но пальцы ухватили только воздух.

Сначала я решила, что он просто съехал на спину. Нашупала второе плечо, провела ладонью по спине. Пусто. Я хлопала себя по бокам, будто хотя бы телефон мог каким-то образом оказаться в кармане и только потом до меня дошло.

Рюкзак.

Он остался в ангаре.

Я замерла, чувствуя, как страх смешивается с отчаянием.

Вернуться означало снова войти в ангар, где остались Марк и толпа неуправляемых людей. Остаться здесь одной - стоять посреди промзоны без телефона - казалось не совсем разумным.

- Да как так-то? - прошептала я, не в силах поверить в происходящее.

Масштаб катастрофы я осознала довольно быстро.

При мне не было ни денег, ни телефона. Я не имела ни малейшего понятия, где я, и вокруг не было ни единой живой души.

Я плелась куда глаза глядят. Главное было уйти подальше от ангара. Каждый шаг отдавался в ушах грохотом. Асфальт был разбит в хлам, и я пару раз едва не подвернула ногу в новых лоферах, которые мама купила мне авансом на удачное окончание учебного года.

«Удачное, ага. Даже очень».

Я проклинала Иринку всеми бранными словами, которые знала. А ещё себя - за то, что согласилась на эту авантюру. Ведь понимала, что затея так себе, но всё равно поехала.

Где-то вдалеке заскрипела металлическая дверь. Я вздрогнула всем телом и остановилась. Высоко надо мной мерцал единственный фонарь. Его тусклый свет дрожал в темноте, а затем он погас, как и последняя надежда на чудо.

Каждый шорох теперь казался мне чьими-то шагами.

Сердце заходило в бешеном ритме. Я стояла в темноте, обхватив себя руками за плечи, и понимала: моя идеальная, спокойная и распланированная жизнь только что разлетелась в щепки.

И самым страшным было не то, что я потеряла вещи. Вещи - это ерунда. Страшно то, что мои чувства к Марку оказались сильнее здравого смысла. Симпатия, влечение - всё осталось, несмотря на увиденное. Я собственными глазами видела, как жестоко он избивал того парня. Видела, как он наслаждался этим процессом. И вместо того, чтобы бежать, я чувствую, как меня тянет к нему еще сильнее.

И именно тогда сзади вспыхнул ослепительный свет фар.

Я прищурилась, прикрывая глаза рукой.

Глава 3. «Спаситель»

Чёрный матовый кроссовер медленно поравнялся со мной. Его «ангельские глазки» светились в полумраке, придавая машине зловещий вид.

Она была полностью тонирована, включая лобовое стекло, поэтому даже при всём желании я не смогла бы разглядеть, кто внутри. Но на номер я даже не посмотрела: и так знала, кто это.

Я узнала бы эту машину из тысячи. Даже в потоке похожих автомобилей кроссовер Марка выдавал себя безошибочно - низким рокотом мотора и характерным шорохом шин по асфальту.

Так бывает, когда наблюдаешь за человеком долгое время.

Я бы даже сказала - неприлично долго.

Я пошла прочь от машины, не обращая никакого внимания на преследователя.

Стекло со стороны пассажира плавно опустилось, и я увидела Марка.

Он уже был одет в чёрные спортивные штаны и чёрную толстовку - в своём обычном стиле. Марк вообще почти всегда выбирал чёрное, как будто цвет настроения - чёрный - это его девиз по жизни.

Он наклонился к окну, продолжая медленно вести машину. На лице гуляла знакомая дерзкая улыбочка - та самая, с которой он разгуливал по универу. Скулу украшал кровоподтёк,

«А ему сегодня досталось», - подумала я.

Я впервые видела Марка с такими боевыми отметинами на лице. Раньше замечала лишь сбитые, припухшие костяшки и пару царапин на спине, когда он снимал футболку после тренировки.

«А ему идёт», - промелькнуло в голове, и я тут же мысленно стукнула себя по лбу.

О чём я вообще думаю?

- Что, принцесса, давно перевалило за полночь и твоя карета превратилась в тыкву? - голос Марка звучал так, будто он наслаждался каждой секундой моего оцепенения.

Я даже не повернула головы. Я просто прибавила шаг, хотя ноги подкашивались, а гордость кричала: «Не смотри. Не

отвечай. Игнорируй его - это единственный способ сохранить лицо и хоть какие-то остатки здравого смысла».

Марк продолжал ехать рядом. Я чувствовала на себе его пристальный взгляд.

- Слушай, малышка, - сказал он так, будто мы были близко знакомы и он имел право меня так называть. - Тут через пару ангаров логово бродячих собак. И они, в отличие от меня, не будут такими добренькими. Они будут очень рады такому аппетитному ужину.

Я чуть не споткнулась.

- Я... - начала и тут же разозлилась на себя за то, что вообще собираюсь с ним разговаривать.

- До города полтора часа пешком

- Садись уже, я не кусаюсь. Ну, по крайней мере, сегодня.

- Я как-нибудь сама справлюсь.

- Конечно, - протянул он и постучал пальцами по рулю. - Я подожду, пока ты докажешь, что это был хороший план.

Я так стиснула зубы, что заболела челюсть.

Хотелось ответить что-нибудь резкое, жёсткое - такое, чтобы ему стало не смешно. Хотелось сбить с него эту спокойную, насмешливую улыбку.

Но впереди, из темноты, донёсся громкий лай. На дорогу выбежал один пёс, за ним - второй. Следом послышался лай целой своры.

Это стало последней каплей.

Я остановилась и посмотрела на Марка. Он сидел в сало-

не, расслабленно откинувшись на спинку. Одна рука лежала на руле, вторая - на коробке передач. Судя по довольному выражению лица, наша перепалка его только веселила. А я ненавидела себя за то, что от одного его взгляда мне становилось всё труднее думать.

- Садись, пока я не передумал, - в голосе проскользнуло что-то требовательное, властное. Стало ясно - спор окончен.

Я понимала, что совершаю ошибку.

Я выругалась себе под нос и дёрнула ручку пассажирской двери.

- Только не воображай, что ты меня спас.

- Даже не начинал, - бросил Марк. - Я просто не хочу потом объяснять всем, почему ты решила подружиться с бродячими собаками, а они с тобой - нет.

Псы залаяли снова - уже совсем близко.

- Даша. В машину. Быстро.

- Не командуй мной.

- Отлично. Не командую, но предлагаю не проверять, умеют ли эти милейшие собачки дружить.

Я нырнула в салон и захлопнула дверь.

- Я так и думал, - усмехнулся Марк и резко нажал на газ.

Машина рванула с места, выбрасывая из-под колёс щебень. Меня вжало в сиденье.

- Просто заткнись и вези меня домой, - прошипела я, глядя прямо перед собой.

Пальцы впились в край сиденья, и дорогая кожа тихо

скрипнула. Я дёрнула ремень безопасности, пытаюсь пристегнуться, но он, конечно, заклинил именно в тот момент, когда я и без того была на взводе.

Марк вёл машину слишком самоуверенно: одной рукой, будто почти не глядя на дорогу, и при этом постоянно косился на меня.

В салоне витал до боли знакомый аромат. Сладкий кокос с капелькой ванили и едва уловимыми нотками экзотических фруктов.

Да это же мой парфюм.

Я замерла, пытаюсь понять, откуда здесь взялся этот аромат, и вопросительно взглянула на Марка, приподняв бровь. Он лишь едва заметно качнул головой и загадочно улыбнулся, словно я только что разгадала какой-то его маленький, но важный секрет.

Марк нажал кнопку на руле, и в салоне заиграла музыка.

Я ожидала клубного, оглушительного баса - такого, от которого дрожат стёкла и вибрирует нутро. Но вместо него зазвучала медленная, тягучая мелодия. До неприличия лиричная, слишком нежная для такого человека, как Марк, и для его опасного, закрытого мира.

И, что греха таить, мне она нравилась - своей чувственностью и тихой, почти интимной красотой.

От этого я только сильнее насторожилась. Не хотелось выдавать, как легко я расслабилась рядом с ним, как незаметно поймала этот почти романтический вайб и как уютно стало

в машине. Не хватало ещё, чтобы Марк заметил, насколько мне хорошо в его обществе.

Поэтому я обняла себя за плечи и, чуть криво усмехнувшись, бросила:

- А чего-нибудь повеселее нет?

Он даже не повернулся.

- Нет.

Свет фонарей скользил по его лицу, на мгновение выхватывая длинные ресницы, ссадину и задумчиво поджатые губы.

Эта песня ему не подходила. Она была слишком нежной для человека, который на людях всегда выглядел так, будто ему никто не нужен. И всё же слова явно задевали его: на припеве Марк хмурился и чуть сильнее сжимал руль.

Песня была о запретной любви. О людях из разных миров, которым нельзя быть вместе, но которых всё равно тянет друг к другу. И мне почему - то показалось, что Марк узнаёт себя в этих словах.

Возможно, я просто выдумывала. Примеряла песню на него, как до этого примеряла на себя истории из книг.

Но от этой мысли всё равно стало не по себе.

- Если от неё так паршиво, зачем ты вообще это слушаешь? - спросила я тихо, не сводя с него глаз.

- Потому что по-другому не получается.

- Что именно?

Марк на секунду посмотрел на меня, потом снова перевёл

взгляд на дорогу.

- Не думать.

И на этом всё закончилось.

Треки сменяли друг друга, но все звучали примерно в одном настроении - типичный плейлист для того, чтобы погрузиться. У меня тоже есть такой список. Частенько зависаю на этих песнях, особенно когда снова вижу его с очередной подругой.

Я поймала себя на том, что больше не злюсь. Марк выглядел таким потерянным и подавленным, что моя ярость незаметно улетучилась.

Но стоило мне расслабиться и поверить, что он перестал играть, как Марк тут же вернулся в своё привычное состояние. Взгляд снова стал высокомерным, а на губах заиграла та самая дерзкая улыбка, из-за которой мне всегда хотелось одновременно закатить глаза и как следует ему врезать.

- Не передумала домой ехать? - спросил он, чуть приподняв бровь.

- Не передумала, - ответила я, глядя на дорогу.

- М-м, - усмехнулся он. - На твоём месте я бы ещё подумал.

- Меня не интересует твоё мнение.

Я демонстративно скрестила руки на груди.

- Ты вообще понимаешь, насколько предсказуемая, Даш? - продолжил Марк с привычной раздражающей уверенностью.
- Вся такая идеальная: умница, красавица, сама невинность.

И как твои родители отпустили тебя сегодня? Или, подожди... примерная девочка Даша всё-таки решила сбежать?

Его слова задели меня. Я не понимала, почему его так раздражают моя сдержанность и нежелание навязываться. Будто моя осторожность была не способом защитить себя, а личным вызовом, который он никак не мог мне простить.

- Самый умный? - резко спросила я. - Ты ничего обо мне не знаешь.

Я сама почувствовала, как начинаю закипать.

- Ой, да ладно тебе, - отмахнулся он с таким видом, будто действительно успел составить на меня целое досье. - Я тебя насквозь вижу. Ты вся такая правильная: учишься на отлично, слушаешься родителей, потом выйдешь замуж за хорошего мальчика, которого они тебе выберут. Скучно, Даша. Смертельно скучно. Тебе самой не надоело? Ты хоть раз делала что-нибудь просто потому, что сама этого хотела, а не потому, что «так надо»?

Я промолчала.

Потому что, чёрт возьми, он попал точно в цель.

Под его взглядом я чувствовала себя беззащитной. Марк прощупывал мои границы и методично расшатывал привычный мир, а у меня не находилось ни одного убедительного возражения.

Я нервно поправила тугой хвост, чувствуя, как от напряжения заныли корни волос, и наконец решила ответить.

- Знаешь, Марк, после того, что я сегодня увидела, явно

не тебе учить меня жизни, - мой голос прозвучал тише, чем хотелось бы. - Ты не хочешь объяснить, что это вообще было? Я не собираюсь устраивать допрос, но увиденное... это просто за гранью моего понимания. Я, конечно, догадывалась, что некоторые студенты у нас, мягко говоря, отбитые, но, чтобы настолько...

Он едва заметно усмехнулся, и в этом движении губ было что-то пугающее.

- Это ты сейчас про меня? - бросил он, не поворачивая головы, и коротко глянул в боковое зеркало, наблюдая за проплывающими мимо огнями города.

- Да, Марк. И про тебя в том числе, к сожалению, - я вернулась к нему, ожидая услышать хоть какие-то объяснения. Я думала, что ты жесток на баскетбольной площадке, но видимо там ты был еще сущим ангелом по сравнению с тем, что я сегодня увидела.

Я даже не пыталась скрыть свой взгляд - полный разочарования и грусти. Марк явно заметил мое состояние, но вместо того, чтобы оправдываться, он лишь сильнее нажал на педаль газа.

Мы ехали молча минут десять. Я упрямо смотрела в окно, но всё равно ловила каждое его движение: как уверенно он держал руль одной рукой, как мягко и почти лениво входил в повороты, будто машина слушалась его с полуслова, как пальцы едва касались рычага при переключении передач. Он то и дело бросал взгляд в зеркала, а потом - украдкой на ме-

ня.

Вдруг с заднего сиденья донёлся звонок мобильного телефона.

Знакомая мелодия.

Я обернулась и увидела свой рюкзак.

«Вот же урод».

Он лежал на заднем сиденье, аккуратно поставленный почти по центру, будто там ему и было место. Телефон надрылся во внешнем кармане, а сквозь ткань просвечивало имя «Виталик».

Я посмотрела на рюкзак, потом на Марка - и пазл сложился.

- Ты... - голос у меня сорвался. - Это ты его подобрал?

Марк даже не отреагировал. Все так же смотрел на дорогу, и только в уголке губ мелькнула легкая усмешка.

- Значит, все это время... - я запнулась, и руки у меня начали дрожать от злости. - Ты видел, как я одна шла по этой промзоне. Видел, что мне страшно. И просто ехал рядом? Еще и издевался?

Марк усмехнулся лениво, будто я сказала что-то не слишком важное.

- Не драматизируй.

- Не драматизируй? - я дернулась к двери и схватила за ручку, но замок был заблокирован. - Ты обманом затащил меня в машину!

- Сама села, - спокойно сказал он.

- Открой дверь. Немедленно. Я серьезно, Марк. Останови машину.

Он не ответил сразу. Только крепче сжал руль, а потом на секунду повернул ко мне голову.

- Даша, - произнес он ровно, почти устало.

- Открой!

Он бросил на меня короткий взгляд.

- На ходу выпрыгнешь? Даш, ну не истери, пожалуйста.

- Я тебя ненавижу, - прошипела я.

К горлу подступили слёзы - от беспомощности и злости на саму себя. Как я могла повестись? Как могла подумать, что он просто решил мне помочь, проявить каплю человечности.

- А в гневе ты намного интереснее, чем когда строишь из себя святую, - сказал Марк так, будто делал комплимент. - Посмотри на себя. У тебя даже глаза загорелись. И щёки так мило розовеют... Перестань уже притворяться.

«Щёки розовеют»? Он серьёзно?

Я что, поросёнок в его глазах?

Мне хотелось ударить его, заставить остановиться, сделать хоть что-нибудь, чтобы вернуть себе контроль. Но вместо этого я продолжала смотреть на его профиль - резкий, уверенный и, к моему несчастью, чертовски привлекательный в свете пролетающих фонарей.

- Ты самый отвратительный тип из всех, кого я знаю, - выдохнула я, отворачиваясь к окну. - Ты просто... невозможный.

- Может быть, - согласился он, и в голосе проскользнула несвойственная ему серьёзность. - Но ведь именно поэтому я тебе и нравлюсь. Иначе ты бы не оказалась посреди ночи в промзоне, на подпольных боях, в которых я участвую.

Я смотрела на своё отражение в тёмном стекле и не узнавала себя: волосы, которые я перед поездкой стянула в тугой хвост, теперь выглядели небрежно, короткие прядки выбились и нелепо торчали в разные стороны. Лицо пылало, а глаза горели злостью.

В его словах была неприятная доля правды. Но это не давало ему права пользоваться ею против меня.

Я не сразу заметила, как городские огни стали реже, а потом и вовсе исчезли. Слишком глубоко ушла в свои мысли: что скажу Виталику, где сейчас Иринка и что отвечу родителям, если они позвонят проверить меня.

Только когда машина подпрыгнула на ухабе, а под колёсами захрустел гравий, я быстро заморгала и осмотрелась по сторонам вглядываясь в темноту.

За окнами не было ни одного фонаря. Только чёрные силуэты деревьев и просёлочная дорога, местами поросшая травой.

- Что за... - Я резко выпрямилась.

Марк ничего не ответил. Только прибавил громкость, и музыка заполнила весь салон.

Я развернулась к нему, вцепившись в ремень безопасности.

- Марк! Разворачивай машину! Ты слышишь? Сейчас же! Мы едем не туда!

Я всматривалась то в темноту за окном, то в его профиль, пытаюсь понять, что он задумал и куда, чёрт возьми, нас везёт.

Марк наконец бросил на меня быстрый взгляд. В полумраке салона его тёмно-карие глаза опасно блеснули.

- Останови машину, Марк! - сказала я решительно.

- Даша...

- Останови. Сейчас.

- И куда ты пойдёшь?

- Не твоё дело.

Я снова дёрнула ручку. Пальцы соскользнули. Потянула ещё раз, сильнее, будто от этого дверь точно должна была открыться.

- Разблокируй дверь.

Марк нажал кнопку центрального замка.

- Открыта.

Я замерла. Он действительно разблокировал двери, но машина продолжала ехать.

- Остановись.

- Остановлю у освещённой дороги.

- Ты не можешь запереть меня в машине, а потом изображать заботу.

- Я и не изображаю.

- Тогда что это было? Ты подобрал мои вещи, следил за

мной и заманил сюда под видом помощи.

- Я не заманивал. Ты сама села.

- Потому что ты не сказал, что рюкзак у тебя.

- Если бы сказал, ты бы забрала его и продолжила идти пешком назло мне.

Я отвернулась к окну, чтобы он не заметил, как сильно меня задели эти слова. Он снова решил за меня - и, что хуже всего, оказался прав в том, как именно я бы поступила.

Как бы я ни старалась изобразить вид испуганной и недовольной пленницы, внутри всё равно зудело любопытство. Куда он меня везёт? Зачем? И что ждёт нас в конце этого пути?

Самое странное, что я чувствовала себя на удивление спокойно. Я без колебаний была готова доверить этому опасному парню себя и всю свою жизнь. У меня была какая-то железобетонная уверенность: Марк меня не обидит. Более того, он не позволит причинить мне вред никому другому. Откуда взялась эта слепая вера в человека, которого я едва знала? Понятия не имею. Но я знала это так же точно, как правильность формулы сложных процентов по финансовой математике.

- На сегодня ты моя подружка, - бросил он, и в его голосе проскользнула опасная, дразнящая нотка, - А это значит, я могу делать с тобой всё, что захочу. Уголок губ едва заметно пополз вверх

Я резко повернулась к нему, пытаясь разглядеть хоть кап-

лю искренности. Я знала, что он играет. Что это очередная провокация, одна из тех, которыми он бросался в меня в университете. Я была для него мишенью, красной тряпкой, которую он с упорством маньяка пытался задеть.

Но сердце всё равно тревожно ёкнуло.

- Ты серьёзно сейчас?

- Абсолютно.

Божечки, ну зачем он так? Неужели нельзя общаться нормально, без этих игр? Зачем постоянно пытаться вывести меня на эмоции, задеть, напугать... Я закусила губу до боли. Только бы не расплакаться. Только не перед ним, пожалуйста, только не перед ним.

Когда он был рядом, я сразу превращалась в какую-то неловкую версию себя: смущалась, запинаясь, нервничала и вообще начинала нести какую-то чушь. А ещё становилась слишком чувствительной ко всему - к его голосу, к взгляду, к случайному прикосновению. Даже окружающий мир воспринимался иначе - боле ярко и эмоционально. Как будто я всю жизнь играла на минималках, а появлением Марка включила все возможные читы.

Я хотела, чтобы Марк остановил машину, и одновременно боялась, что он действительно это сделает и наша с ним ночь закончится. Мне хотелось узнать, куда он меня везёт. Хотелось остаться с ним вдвоём несмотря на его отвратительный характер.

А что будет потом, я не знала.

Марк взглянул на меня - и его лицо изменилось. Брови нахмурились, а в глазах мелькнуло что-то похожее на вину.

- Эй, - сказал он тише. - Даш. Расслабься. Я не маньяк.

Я шмыгнула носом и тут же возненавидела себя за это.

Марк ничего не сказал, только чуть сильнее сжал руль.

- Ну спасибо, успокоил, - буркнула я, пытаюсь вернуть себе прежний тон.

- Или ты только об этом и мечтаешь?

- Я тебя ненавижу.

- Сейчас - вполне возможно, - спокойно отозвался он.

- Не льсти себе. - Я покачала головой и добавила: - И да, я тебя нисколечко не боюсь.

- Я знаю.

- Зачем ты это делаешь, Марк?

- Что именно?

- Всё это! - Я обвела рукой салон. - Куда ты меня везёшь? Зачем?

Марк молчал.

- Ма-а-арк, ну ответь же. - Я подалась к нему, пытаюсь поймать его взгляд.

- Не могу.

- Почему?

- Потому что, если я отвечу, ты снова потребуешь, чтобы я остановился.

Балансировать на грани неизвестности, которая одновременно пугала и манила, становилось всё труднее.

- А если я пообещаю, что не стану?

Марк внимательно посмотрел на меня, будто пытался понять, есть ли в моих словах хоть капля правды.

Я не шевельнулась. Продолжала изучать его лицо, опираясь на подлокотник между креслами.

Мы уже много раз играли в гляделки, но сейчас всё было иначе - серьёзнее и ближе.

- Просто доверься мне, Даш, - мягко, почти шепотом сказал он, и его голос прозвучал так бережно, будто это было не требование, а просьба, полная заботы и тепла.

К наглому, самоуверенному Марку я привыкла, но этот - непривычно нежный - обезоруживал. Не желая показывать, как сильно он меня смутил, я отстранилась и выпрямилась в кресле.

- Ты невыносим.

- Знаю.

- И самодоволен.

- Тоже знаю.

- И я правда тебя ненавижу.

- Конечно.

Он сказал это так спокойно, что я не выдержала и усмехнулась, пытаясь заправить выбившиеся пряди обратно в хвост.

- Ты сейчас смеёшься, - заметил Марк.

- Я не смеюсь.

- Смеёшься.

- Это нервное. Защитная реакция организма.

Я снова закусила губу, изо всех сил стараясь сдерживать улыбку, которая так и норовила выдать меня.

В этот момент Марк потянул подрулевой переключатель омывателя, и мелкие капли с шумом ударили по стеклу. Я непроизвольно вздрогнула от неожиданности.

- Трусиха, - усмехнулся он, даже не глядя на меня.

- Это я просто... от неожиданности, - оправдалась я, чувствуя, как ещё больше краснеют щеки.

- Ну да, ну да. Охотно верю.

Мы рассмеялись - легко и искренне. И мне кажется я слышала самый красивый смех в мире... Я вдруг поняла: куда бы Марк меня ни вёз, часть меня всё равно хотела оказаться там.

Даже если потом я буду ненавидеть за это и себя, и его.

Я хотела продолжения нашей совсем не случайной встречи.

И Марк, кажется, это понимал.

В салоне стало тихо - если не считать приглушённой музыки и шороха шин по дороге. Он был отвратительно самоуверенным, грубым и, к сожалению, достаточно привлекательным, чтобы я замечала это даже тогда, когда больше всего хотела треснуть ему.

Глава 4. Без масок

Мы подъехали почти к самому берегу какого-то озера, и Марк остановился уже практически там, где заканчивалась

гравийная дорога и начинался песок.

В темноте невозможно было разобрать, насколько оно большое, но прохлада, тянувшая от воды, сразу давала понять, что озеро довольно внушительных размеров. Вокруг стояли высокие сосны, плотной стеной уходившие вверх, и из-за них место казалось ещё более мрачным.

На соседнем берегу мерцали огоньки - скорее всего, это были базы отдыха или частные дома. Я пригляделась внимательнее и только потом заметила остров в центре озера. Именно он и показался мне знакомым. Тогда до меня дошло, где мы.

Медвежье озеро.

Я знала это место очень хорошо. Наша дача была совсем недалеко отсюда. И от этой мысли стало как-то тревожно: мы с Марком оказались так близко к месту, где сейчас были мои родители, а я же вроде как должна была сидеть дома и спокойно готовиться к предстоящим экзаменам.

Марк вышел из машины, хлопнул дверью, и его силуэт закрыл лунный свет. Я осталась сидеть, не зная, что делать дальше: идти за ним или ждать его здесь. Когда он распахнул мою дверку, в салон ворвался ночной холод - сырой, тяжёлый, с запахом тины. Я тут же поёжилась, чувствуя, как холодный воздух медленно пополз по телу.

Марк заглянул в салон, упёрся одной рукой в крышу машины и посмотрел на меня сверху вниз.

- Ты что, так и будешь сидеть здесь? - спросил он.

Я отвела взгляд в сторону, на тёмную полосу воды за машиной, и сильнее вжалась в сиденье.

- Там холодно, - буркнула я, подтянув колени ближе.

Он наклонился ближе, и я невольно задержала дыхание, напрягшись всем телом. В голове мелькнула нелепая мысль: он что, тянется меня поцеловать?

Но Марк лишь протянул руку к ремню и отстегнул его. Потом, не говоря ни слова, потянулся назад, достал с заднего сиденья мягкий свёрток и снова посмотрел на меня.

Я осторожно перевела взгляд с его лица на ткань в его руках.

- Что это? - тихо спросила я, не двигаясь с места.

Наши пальцы едва соприкоснулись и электрический разряд прошёл нас обоих...

Мы оба быстро отдёрнули руки, глядя друг на друга с нескрываемым удивлением. Кажется, это и было то самое, о чем пишут в книгах - та самая «искра». Похоже, мы только что на собственном опыте убедились: любовь - это не только химия, но и чистая физика.

В руках оказалась его толстовка - плотная, тёмная, одна из тех, в которых он разгуливал по универу.

- Надень, - бросил Марк через плечо, уже направляясь к воде. - Не хватало ещё, чтобы ты заболела и перестала ходить на пары.

- Какая забота, - съязвила я.

- Не переоценивай, - отрезал он.

Мне было приятно, что Марк обо мне заботится и, кажется, действительно переживает, что я могу простудиться. Эта мысль как будто согрела меня изнутри, и в конце концов я всё же выбралась из тёплого салона и вышла к нему.

Ночная трава была мокрой от росы; я сделала всего несколько шагов, и замшевые лоферы тут же промокли, неприятно холодя ноги. Я натянула его толстовку поверх кофточки. Она оказалась тяжёлой, мягкой и великоватой - настолько, что рукава почти закрыли ладони, а её край доходил мне почти до колен.

От толстовки пахло дорогим древесным парфюмом: кедром, сандалом и чем-то прохладным, перечным. В этом аромате не было ничего сладкого или уютного. Он был резким, притягательным - таким же, как Марк.

Этот запах я бы узнала из тысячи. Среди всех моих знакомых так пах только он.

Я сама не заметила, как притянула ворот к лицу, вдыхая самый желанный для меня аромат. И в этот момент, пока я стояла так, зажмурившись, в голове вспыхнула непрошенная мысль: что это вообще такое?

Это влюбленность? Или просто кокая- то нездоровая одержимость? А может, меня так сильно тянет к нему только потому, что он - моя полная противоположность, тот самый «запретный плод»? Я пыталась разложить всё по полочкам, но чувства так похожи друг на друга, что их легко перепутать.

Как понять, что происходит между нами на самом деле, пока я не зашла слишком далеко? Я боюсь потерять голову раньше, чем успею разобраться в своих чувствах.

Вопросы, на которые пока нет ответов, только этот дурманящий аромат, который сбивает с толку еще сильнее.

У берега тихо плескалась вода - то ли рыба всплеснула, то ли что-то шевельнулось в темноте. Я поспешила за ним, утопая в мягком песке и то и дело спотыкаясь о корни и мелкие кустарники.

- Марк! - окликнула я. Голос прозвучал громче, чем я ожидала, и эхом разнёсся над озером. - Зачем мы здесь?

Марк стоял у самой кромки воды, отвернувшись. Руки в карманах, плечи опущены. А по озеру, дробясь и мерцая, тянулась неровная лунная дорожка.

- Тебе не стоило садиться ко мне в машину.

Я остановилась.

- Ну да, это я уже поняла.

- Да нет, Даш, - он провёл ладонью по лицу и только потом обернулся ко мне. - Ты вообще не понимаешь, во что ввязалась.

- Я поехала с тобой, потому что ты сказал, что отвезёшь меня домой.

- А я не отвёз.

- Ого, спасибо, капитан очевидность. - Я скрестила руки на груди. - Ты забрал мой рюкзак, ничего не объяснил, увёз меня чёрт знает куда и всю дорогу вёл себя так, будто это

прикол какой - то. По-твоему, это нормально?

Марк отвёл взгляд, будто подбирая ответ.

- Если хочешь, можешь называть это похищением.

- Ты сейчас серьёзно?

- Серьёзно. - Он снова посмотрел на меня, и голос у него стал тише. - Я не должен был так делать. Прости. Я не хотел тебя пугать.

Я растерялась. От него я ждала чего угодно - колкости, усмешки, даже очередной дурацкой шутки. Но не этого. Не такой... честности.

- Тогда зачем ты меня сюда привёз? - спросила я уже тише, и сама не узнала свой голос.

- Сам не знаю.

Я криво усмехнулась, но вышло скорее нервно, чем на-смешливо.

- Да ну? Очень удобно.

- Да, знаю. - Он на секунду опустил взгляд, потом снова поднял его на меня. - Но другого ответа у меня нет.

Я подошла ближе, сама не понимая зачем. Ветер с озера коснулся кожи, выбил из хвостика ещё несколько прядей, и я раздражённо убрала их за ухо.

- Что тебе от меня нужно, Марк?

Плечи у него чуть напряглись, а потом он медленно качнул головой.

- Чтобы ты была сейчас дома. Тебе здесь не место.

- Здесь - это ночью у озера посреди леса?

Он на секунду прикрыл глаза, потом снова посмотрел на меня.

- В моём мире.

- В твоём мире? - я чуть склонила голову набок. - Как пафосно.

Марк громко выдохнул через нос, будто сдерживая раздражение, и провёл ладонью по лицу.

- Даш, я не шучу. Тебе правда лучше держаться от меня подальше. - Ты видела сегодня достаточно, чтобы сделать выводы, и всё равно села ко мне в машину, - продолжил Марк. - Но ты не знаешь, что происходит после боя. Не знаешь, кто всё это курирует, кто отдаёт приказы и что бывает с теми, кто решает выйти из игры.

Я чуть сильнее сжала руки в кулаки, хотя старалась этого не показывать.

- Так расскажи.

- Нет.

- Почему?

Он на мгновение отвёл взгляд к воде, потом снова посмотрел на меня.

- Потому что после моих слов твой уютный плюшевый мирок перестанет существовать. Ты уже не сможешь жить, как раньше.

Я смотрела на него, не моргая.

- А сейчас, по-твоему, я могу?

Марк задержал взгляд на моём лице чуть дольше, чем

нужно. Потом медленно покачал головой.

- Сейчас - ещё можешь. Если развернёшься и вернёшься к своей прежней жизни. Ты думаешь, я загадочный и опасный парень, который тайно по уши в тебя влюблён. Думаешь, всё это красиво и романтично: бои, вечеринки, ночные движения. - Он коротко усмехнулся и посмотрел на меня исподлобья. - Но я не крутой пацан, Даша. Я просто ужасный человек.

- Не говори так.

- Почему? Потому что тебе приятнее думать, что я белый и пушистый? Просто попал не в ту компанию? - Он качнул головой и сунул руки глубже в карманы. - Я участвую в таких делах, от которых нормальные люди держатся подальше. Я умею пугать. Умею причинять боль. И сегодня ты сама увидела, как легко я могу заставить тебя делать то, чего ты не хотела.

Я затаила дыхание.

- Но ты же остановился.

Он резко поднял на меня глаза, и в них мелькнуло что-то тяжёлое, почти злое - не на меня, на себя.

- Слишком поздно.

Эти слова повисли между нами.

- Я всё равно сама пошла за тобой, - сказала я тише.

- Потому что ты растеряна. Потому что тебе страшно. Потому что я воспользовался тем, что ты не знала, куда идти и что делать.

Меня обожгло его признание. Я невольно обняла себя за локти,

- Ты хочешь, чтобы я тебя возненавидела?

- Я хочу, чтобы ты испугалась достаточно сильно, и сама перестала ходить за мной.

- Не получится.

Марк посмотрел на меня долго, тяжело, почти обречённо.

- Даша.

- Нет. Ты можешь сколько угодно говорить, что ты ужасный, опасный и всё такое, но я уже видела тебя разным. И не собираюсь притворяться, что у меня ничего к тебе нет, только потому, что тебе так будет проще жить.

Марк сжал пальцы в кулаки.

- Тебе лучше и дальше сидеть за книжками.

- Это приказ?

- Это совет.

- А если я не хочу ему следовать?

- Тогда однажды ты пожалеешь, что села ко мне в машину.

Я вздёрнула подбородок.

- Возможно. Но решать, о чём мне жалеть, буду я сама.

Марк долго смотрел на меня. На его лице мелькнули злость и усталость, а между бровей залегла хмурая складка.

- Ты сама не понимаешь, что говоришь.

- Тогда объясни.

- Я и пытаюсь. Если ты всё ещё этого не заметила.

- Нет. - Я чуть качнула головой. - Ты пытаешься оттолк-

нуть меня.

Он отвёл взгляд в сторону воды, в темноту леса, куда угодно, только не на меня.

В его жестоких словах было не только желание напугать меня. Марк действительно считал себя опасным. И ещё сильнее боялся, что я однажды поверю ему.

Вокруг стрекотали насекомые. В камышах шуршало что-то мелкое, вода едва слышно касалась берега.

Я сильнее закуталась в его толстовку.

Марк двинулся ко мне.

Я почти сразу отступила - резко, инстинктивно, - и плечом задела шершавый ствол дерева. Спина напряглась. Я замерла, чувствуя, как сердце забилося в десять раз быстрее.

Он заметил это. Сразу.

Марк смотрел прямо на меня, не отводя глаз. Его лицо почти не изменилось, только челюсть чуть сжалась, а в голосе, когда он заговорил, появилась глухая, осторожная хрипотца:

- Боишься меня?

- Немного, - честно сказала я. - Но не настолько, чтобы сбежать.

Он коротко дёрнул уголком рта - без особой радости, скорее устало и горько.

Я заставила себя не отвести глаза и, пытаясь вернуть разговору привычную колкость, добавила:

- А у тебя есть чем меня напугать?

Марк медленно окинул меня взглядом. Он не спешил с

ответом, лишь чуть прищурился, и на губах заиграла едва заметная, почти хищная улыбка. Моя попытка вывести его из равновесия, кажется, лишь позабавила его.

- Есть, - негромко отозвался он, подавшись чуть ближе. - Но я не собираюсь.

Я не сразу нашла, что ответить, но и уступать не собиралась: если наш единственный способ коммуникации - это постоянная дуэль на нервах, значит, так тому и быть. Я уже почти не сомневалась, что небезразлична ему - иначе к чему весь этот странный спектакль с поездкой? Но мне нужны были доказательства.

Я сама себе удивлялась. Никогда не думала, что способна на подобные игры: все эти интриги, ухищрения, попытки прощупать почву. Оказывается, мне просто не попадался человек, ради которого стоило бы проявлять своё коварство. Иринка была права: в моём тихом омуте действительно водились черти, и сейчас я была предводителем этих чертей.

- А тебя вообще не смущает, что у меня есть парень? - выпалила я, решив пойти ва-банк. - И что я могу ему пожаловаться?

Марк чуть приподнял бровь, и в этом жесте было столько ленивого превосходства, что меня это разозлило.

- Меня? - переспросил он, словно сама мысль была абсурдной. - Нет. Мне плевать.

Он замолчал, сокращая дистанцию, и в ночной тишине его голос прозвучал особенно вкрадчиво:

- Что он сделает? Вызовет меня на интеллектуальный батл? Уверяю тебя, даже оттуда я выйду победителем.

- А ты скромный, - съязвила я.

- Ага, - Марк сделал ещё один шаг, вторгаясь в моё личное пространство так нагло, что перехватило дыхание. - И чертовски привлекательный. И, что самое забавное, я тебе очень нравлюсь.

Щёки тут же вспыхнули, но я сразу же попыталась натянуть на лицо маску равнодушия, бросив на него безразличный, чтобы скрыть своё волнение.

- Мечтай-мечтай, - выдохнула я. - Ты мне вообще не нравишься.

Он чуть приподнял бровь, явно не поверив ни единому слову.

- Уверена?

- Абсолютно. Ты наглый, самодовольный тип... и вообще не слишком ли многое ты о себе возомнил, - выпалила я слишком быстро, будто оправдываясь. Эти слова должны были стать стеной между нами. - И я, знаешь ли, не собираюсь быть твоей очередной игрушкой, как половина нашего универа. Советую поискать другую дурочку.

Марк мгновенно уловил перемену в моём голосе и понял, что это ревность - глупая, девчачья, обидная.

А потом он быстро сократил оставшееся между нами расстояние и оказался совсем близко. Мне пришлось вжаться в дерево и запрокинуть голову, чтобы видеть его лицо. Его ла-

дони упёрлись в ствол по обе стороны от меня. Он не схватил меня, не прижал - но перекрыл мне путь к отступлению.

Тёмно-карие глаза Марка в полумраке казались почти чёрными. Спокойными. Слишком спокойными, чтобы это было просто игрой. По его лицу невозможно было понять, о чём он думает и что собирается сделать дальше.

- Такого ты обо мне мнения? - тихо спросил он.

- Да, - упрямо ответила я.

Но внутри всё кричало: Даша, хотя бы себе не ври.

Я вглядывалась в его лицо, почти не моргая, пытаюсь понять, что всё это значит. Мой взгляд беспокойно скользил по его чертам, а его - неподвижный, сосредоточенный - был прикован только к моим глазам. И чем дольше я смотрела, тем отчётливее понимала, что сопротивляться ему становится всё труднее.

Я ждала, что он вот-вот усмехнётся, скажет что-нибудь колкое, подденет меня - как обычно. Он просто дразнит? Хочет напугать? Обидеть? Или, может, проверяет меня на прочность?

Рядом с ним мне казалось, что я прохожу какой-то квест, правила которого знает только сам Марк.

Его взгляд соскользнул с моих глаз к губам и обратно.

- У тебя очень красивые глаза, Даша. Как васильковое поле - не оторваться.

Его голос был нежным, вкрадчивым.

Я растерялась от его близости, а по телу мягко прошла

дрожь.

Его губы находились всего в нескольких сантиметрах от моих.

Я слышала только собственное дыхание. И его - слишком близкое, обжигающее.

От Марка пахло мятой и горьким табаком. Я не отводила взгляд только из упрямства: казалось, стоит мне моргнуть или опустить глаза - и он решит, что выиграл.

Марк медленно убрал одну руку от дерева. Кончиками пальцев коснулся моей щеки, заправил за ухо выбившуюся прядь и замер.

Его прикосновение было таким лёгким, что от этого становилось только хуже.

Губы пересохли, и я машинально облизнула их.

А в следующую секунду мой взгляд сорвался вниз - на его губы.

Марк это заметил. Конечно, заметил.

Я думала, что сейчас он меня поцелует, но что-то его останавливало. Челюсть едва заметно напряглась. Он на мгновение опустил глаза, а потом снова посмотрел на меня, будто заставлял себя сохранять расстояние.

- Дашь, - сказал он тихо. - Пожалуйста, у тебя ещё есть шанс спастись от меня. Просто скажи, что хочешь, чтобы я отстал от тебя.

Я должна была ответить сразу, но вместо этого смотрела на него широко распахнутыми влюбленными глазами, пыта-

ясь собрать мысли в кучу.

- Хочу, - решительно заявила я, собрав волю в кулак.

Марк не сводил с меня глаз, ожидая, что я передумаю. Он сам подталкивал меня к этой черте, но теперь, когда я её переступила, он выглядел почти растерянным.

А я... я тонула в этом моменте.

На самом деле я совсем не хотела, чтобы Марк отступал. Мне хотелось его близости, его прикосновений. Он очень сильно нравился мне, и в глубине души я отчаянно надеялась, что это взаимно, что и я небезразлична ему. И вот теперь, когда он давал понять, что я ему нужна, что между нами действительно есть что-то большее, чем глупая игра в гляделки, я испугалась сама не знаю, чего.

Хотя нет - знаю. Наверное, того, что всё это может оказаться злой шуткой, розыгрышем, спором на недотрогу. Он ведь именно так меня называл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.